

0 783361

На правах рукописи

ВОЛОШИНА КАРИНА СЕРГЕЕВНА

**ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ПОНЯТИЯ «ГЕНДЕР»
(на материале английского и русского языков)**

10.02.19. – Теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нальчик 2010

Работа выполнена на кафедре общего и славяно-русского языкознания
ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук
профессор Л.Ю. Буянова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор Н.Ф. Алефиренко

кандидат филологических наук
доцент З.Р. Цримова

Ведущая организация Адыгейский государственный университет

Защита диссертации состоится «30» апреля 2010 г. в 9.00 на заседании диссертационного совета Д 212.076.05 при ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кабардино-Балкарского государственного университета.

Автореферат разослан «29» апр 2010 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000727254

Ученый секретарь
диссертационного совета

Г.Е. Щербань

С конца XX-го века в лингвистике активизируются исследования фразеологии в рамках различных парадигм, «возникают лингвокультурологическая, коммуникативно-прагматическая и когнитивная фразеология» (Алефиренко, 2008: 5), изучаются процессы фразеологизации как когнитивные процедуры (Декатова, 2001; Ковалёва, 2004). В то же время учёные признают, что создание методологических основ каждого из направлений современной фразеологии осложняется неоднозначным, а иногда и противоречивым пониманием многих «фразеологических» терминов, понятий, концепций (см. Алефиренко, 2008). Такое теоретическое «разночтение» во многом объясняется многозначностью, а иногда и размытостью многих лингвистических понятий и терминов вообще, особенно тех, которые вошли в русскую лингвистическую терминосистему из других языков. Одним из таких сложных понятий, функционирующих в современной фразеологии и теории языка, является понятие гендера. Гендер, выступая продуктом культуры и социальных отношений, актуализируется в разных контекстах коммуникации и представлен на всех ярусах языковой системы, в том числе и во фразеологии, однако до настоящего времени исследования гендерной стратификации языка в полном объёме ещё не осуществлены.

Интерпретация языка как антропоцентрического феномена считается сегодня одной из ведущих тенденций развития лингвистики XXI в. Подобный подход позволяет исследовать и решать общетеоретические проблемы «человек и язык» и «язык и культура» более сбалансированно, с учётом всех объективных аспектов проявления человека «в языке и через язык». В этой связи важнейшим культурно значимым фрагментом отражаемой действительности является не только сам образ Человека, но и его мужская и женская ипостась, его гендерный признак (гендерность). Особенности языка мужчин и женщин составляют основной объект изучения гендерной лингвистики (см.: Р.Лакофф, О.А. Воронина, А.В. Кирилина, Д.О. Добровольский, Е.А. Здравомыслова, Н.Л. Пушкарёва, Г.Н. Карелова, И.И. Халеева, Д.Хубер, D.Cameron, J.Coates и др.). О новизне и актуальности гендерных исследований в рамках теории языка свидетельствуют многочисленные публикации последнего времени, в которых по-разному освещаются подходы к проблеме этого феномена, пока ещё малоизученного в лингвистическом аспекте (см. Нечаева, 1999; Кирилина, 2000; Мартысюк, 2001; Ласкова, 2001; Дадова, 2005; Джасежева, 2006; Семенова, 2006; Котик, 2008; Мелихова, 2008). В то же время до настоящего времени отсутствуют системные сопоставительные исследования по проблеме реализации гендерного механизма языка на материале фразеологии – как английской, так и русской.

Актуальность данного исследования, таким образом, определяется рядом существенных факторов: 1) усилением исследовательского интереса к проблеме отражения и представления в языке Человека в комплексе его

гендерных признаков; 2)повышенным вниманием к изучению и описанию гендера как одного из доминантных маркеров социального устройства и статуса этноса и общества, который также формирует социум; 3)необходимостью более полного выявления гендерного фактора в языке и описания его в сфере фразеологии; 4)важностью изучения языковых механизмов реализации гендерных аспектов в разных языках для оптимизации межкультурной коммуникации; 5)отсутствием таких лингвистических исследований на материале разных языков, в которых фразеологизм рассматривается как одно из базовых средств концептуализации гендерного фактора в языке, в то время как в современной теории языка, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации потребность в такого рода работах является достаточно высокой. Поэтому исследование фразеологических систем различных языков, в частности, русского и английского, с гендерной точки зрения даёт возможность лучше понять историю, культуру, психологию и мировоззрение народов, тем самым делая общение между ними более полноценным, понятным и эффективным.

Объектом диссертационного исследования являются разноструктурные фразеологические единицы английского и русского языков, содержащие в своём составе лексический и семантический компоненты гендерного характера, формирующие гендерные концепты «Мужчина» и «Женщина» во фразеологической/языковой картине мира русского и английского языков.

Предмет исследования – потенциал и свойства фразеологизма как одного из актуальных средств вербализации и концептуализации гендерного аспекта языка.

Практическим языковым материалом работы послужили данные выборки лексем, фразеологизмов, пословиц, поговорок, афоризмов, крылатых фраз с гендерным компонентом из двуязычных, толковых, этимологических, синонимических, фразеологических английских и русских словарей (Ю.Д. Апресян, И.Р. Гальперин, Р.С. Гинзбург и др. «Большой англо-русский словарь» (1987); В.И. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка» (1998); «Иллюстрированный толковый словарь русского языка» (2006); С.И. Ожегов «Словарь русского языка» (1991); «Longman Dictionary of Contemporary English»: «Лонгман. Словарь современного английского языка» (1992); «Dictionary of English Language and Culture. Longman»: «Лонгман. Словарь английского языка и культуры» (1995); «Oxford Advanced Learners Dictionary» (1989); «Cambridge International Dictionary of English» (1995); «The Concise Oxford Dictionary» (1964); А.И. Молотков «Фразеологический словарь русского языка» (1968); А.В. Кунин «Большой англо-русский фразеологический словарь» (1984); А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» (1997); В.И. Зимин, А.С. Спирин «Пословицы и поговорки русского народа» (1996); Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров «Фразеологический словарь русского языка» (1968); А.К. Бирих, С.С. Волков «Словарь фразеологизмов» (1993); «Словарь русской фразеологической терминологии» (1993); «Большой

толковый социологический словарь» (1996)), а также из облигаторных образцов художественной литературы (произведений А.С. Пушкина, Н.Г. Помяловского, Н.А. Некрасова и др.); из фрагментов устной речи.

Целью диссертационного исследования является выявление и описание общих и специфических признаков фразеологизма, позволяющих ему служить важнейшим средством вербализации и концептуализации гендерного механизма языка; изучение своеобразия репрезентации гендерных признаков в структуре фразеологических единиц русского и английского языков.

Поставленная цель потребовала решения следующих исследовательских задач:

- проанализировать различные научные определения понятия и термина «фразеологизм» в теории языка (на основе трудов отечественных и зарубежных учёных); исследовать основные параметры и свойства фразеологизма;

- проследить эволюцию понятия «гендер» в различных науках, в языке и речи;

- систематизировать теоретические обоснования и интерпретации понятий «гендер», «языковая картина мира», «фразеологическая картина мира», «языковая концептуализация», «вербализация», являющихся основополагающими единицами понятийного аппарата теории языка и элементами когнитивной системы;

- уточнить термин «культурный концепт» в лингвокультурном и гендерном аспектах и обосновать введение термина «гендерный концепт»;

- выявить и описать национально-культурные особенности формирования и функционирования фразеологических гендерных концептов/суперконцептов «Мужчина» и «Женщина» в русском и английском языках.

Методологической базой диссертационного исследования являются концептуальные, лингвистические, философские положения, которые отражают общую взаимосвязь и взаимозависимость языковых и внеязыковых явлений, а также единство общефилософских, общенаучных (феноменологический и парадигматический) и частных принципов. Язык определяется как главный инструмент категоризации мира, аккумуляции, хранения, трансформации и трансляции знаний человека об окружающем мире, о себе, о своём месте в нём, предстаёт как уникальная семиотическая культурно-историческая среда.

Теоретические положения работы опираются на идеи и концепции отечественных и зарубежных лингвистов в области теории языка, фразеологии, лингвокультурологии, теории концептуального анализа, гендерной лингвистики – Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, С.А. Аскольдова, В.Л. Архангельского, Л.Ю. Буяновой, А. Вежбицкой, В.В. Виноградова, С.Г. Гаврина, В.Г. Гака, Л.Г. Золотых, В.И. Карасика, А.В. Кирилиной, Е.С. Кубряковой, А.В. Кунина, Р. Лакоффа, Д.С. Лихачева, Д.

Малишевской, В.А. Масловой, А.М. Мелерович, В.М. Мокиснко, Ч.У. Морриса, Т.Г. Никитиной, В.И. Постоваловой, Ю.Е. Прохорова, Г.Д. Сидорковой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасовой, Л. Хиршман и др.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые на материале английской и русской фразеологии проведено исследование в инновационном плане с целью установления специфики гендерной репрезентации ФЕ, позволяющее выявить общее и отличительное в аспектах антропоцентрической направленности и национально-культурных особенностей английского и русского языков. Новым также является введение в научный оборот теории языка понятий и терминов «гендерный концепт» и «вербально-гендерная картина мира», в основе которой находятся гендерно-ориентированные фразеологические суперконцепты «Мужчина» и «Женщина»; структурирование и описание гендерно-фразеологического фрагмента целостной языковой картины мира в английском и русском языках.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что оно определенным образом влияет на развитие общей теории языка, гендерной фразеологии, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации; расширяет и углубляет представления о фразеологизме как средстве реализации и отражения гендерных аспектов языка, о специфике семантики ФЕ с лексическим компонентом гендерного характера, о национально-культурном своеобразии реализации гендерного фактора во фразеологической картине мира в английском и русском лингвопространстве; рассмотрены с новых позиций важнейшие лингвистические термины – «концепт», «культурный концепт», «языковой концепт», «языковая картина мира», «гендер», «гендерный стереотип» и др.; выявлены основные механизмы и закономерности фразеологической концептуализации культурных доминант в рамках гендерной лингвистики на примере русских и английских устойчивых оборотов.

Материалы, результаты и важнейшие выводы исследования являются **практически значимыми** и могут использоваться в теоретических курсах по общему языкознанию, теории языка, фразеологии (общей и сопоставительной), фразеографии, русской и английской лексикологии, лексикографии, социолингвистике, гендерной лингвистике, страноведению; на практических занятиях, спецкурсах и спецсеминарах по стилистике и интерпретации текста, по лингвокультурологии, лингвоконцептологии, на занятиях по английскому и русскому языкам как иностранным, межкультурной коммуникации, в практике перевода, при составлении учебных фразеологических словарей и т.д.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Фразеологические единицы, содержащие в своём составе лексический компонент – маркер гендерного статуса, выступают продуктивным средством концептуализации и вербализации гендерного фактора (механизма) в языке, фиксируя гендерную стереотипизацию,

свойственную коллективному сознанию, и отражая в образной форме национально детерминированные оценки и стереотипы, связанные с феноменами женственности и мужественности и с традиционным распределением мужских и женских ролей в обществе.

2. Фразеологическая концептуализация гендерно маркированных понятийных сфер «мужчина» и «женщина» в английском и русском языках характеризуется множественностью языковых средств выражения гендерного аспекта языка, выполняющих номинативную, репрезентативную, характеризующую, образно-экспрессивную и оценочную функции.

3. Вербализованным результатом концептуализации гендерного фактора языка как в английской, так и в русской лингвокультурах выступают фразеологические гендерные концепты «Мужчина» и «Женщина», формирующие гендерные сегменты фразеологической картины мира и манифестирующие гендерную специфику следующих ключевых для русской и английской лингвокультур и национального менталитета понятий и смыслов: «внешность», «нравственные качества», «поведение», «прагматичность», «внутреннее содержание», «духовность».

4. Гендерные концепты «Мужчина» и «Женщина» в русском и английском языках имеют определённые различия в количестве и семантико-понятийном содержании формирующих их фразеологических средств, поразному оценивая модели поведения мужчины и женщины в соответствии с гендерной идентичностью. Это обусловлено ментально-культурными и национально-историческими особенностями развития, зафиксированными в языке и сознании этих народов, а также традиционным распределением гендерных ролей в социуме и теми представлениями о маскулинности и феминности, которые доминируют в данном обществе.

5. В русских гендерных концептах зафиксирована патриархальная установка и система стереотипов, согласно которым женщине в большей степени присущи многие пороки, из-за чего сравнение с ней мужчины всегда имеет негативную окраску. Сравнение женщины с мужчиной, наоборот, служит гендерно маркированным положительным фактором, отражающим закрепившийся в русском языковом сознании стереотип превосходства мужчины в обществе почти по всем критериям.

6. В английских гендерных концептах отражается асимметричность представлений о мужчине и женщине во фразеологии: образ мужчины актуализируется такими ФЕ, которые репрезентируют как доминантные положительные мужские качества – агрессивность, стремление к лидерству, активность, в то время как в образе женщины чаще отражаются факультативные негативные, второстепенные свойства, качества, функции – пассивность, глупость, лживость, неверность.

Апробация работы. Основные положения диссертации докладывались и обсуждались на заседании кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета.

Результаты и выводы исследования были представлены на различных международных, региональных, межвузовских, научных и научно-

практических конференциях: «Современные направления в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе» (Краснодар, 2002); «Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения» (Краснодар, 2005, 2006, 2008, 2009), «Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование» (Белгород, 2005) и др.

Основное содержание работы представлено в 7 публикациях, в том числе в издании, рекомендованном списком ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, двух исследовательских глав, Заключения, Библиографического списка и Приложения.

Содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор проблематики и актуальность темы исследования, представлены объект, предмет, практический языковой материал работы, раскрывается ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются цель и задачи, формируются положения, выносимые на защиту, характеризуется методологическая база исследования, её методы и апробация.

В первой главе – **«Фразеологизм как лингвистический и лингвокультурный знак: история и современность»** - в трёх разделах раскрываются теоретические позиции, определяющие фразеологизм как объект лингвистического изучения; рассматриваются концепции фразеологизма в современной теории языка, а также понятия «картина мира», «языковая картина мира», «языковая концептуализация», «языковое сознание», «менталитет».

В XXI веке одной из главных, определяющей направления исследований во многих гуманитарных сферах знания, особенно в этнолингвокультурологии, стала проблема выявления когнитивных, ментально-вербальных, семиотических, деривационных, семантических и прагматических механизмов формирования и развития языковой картины мира. В этом аспекте интерпретация национального фразеологизма как этнокультурной константы кажется достаточно адекватной и релевантной в силу этнолингвистической и культурной специфики самого этого феномена (Буянова, Коваленко, 2004: 7). На современном, четвёртом, этапе развития фразеологии как науки актуальны исследования самых различных проблем семантики, прагматики, функционирования, этнической самобытности фразеологизма как знака культуры, как языкового средства концептуализации мира, средства межкультурной коммуникации (Н.Ф. Алефиренко, Е.Ф. Арсентьева, А.Н. Баранов, С.К. Башиева, З.Б. Бгуашева, З.Х. Бижева, З.У. Блягоз, Л.Ю. Буянова, Д.О. Добровольский, Е.А. Добрыднева, Л.Г. Золотых, Е.И. Иванова, Б.Т. Кашароков, Л.В. Ковалёва, Л.А. Лебедева, А.М. Мелерович, Л.В. Столбовая, А.Ш. Трахова и др.). Выделены и активно исследуются следующие фразеологические парадигмы:

1) дискурсивно-когнитивная; 2) когнитивно-семантическая; 3) когнитивно-культурологическая; 4) когнитивно-прагматическая; 5) когнитивно-синергетическая; 6) фразеологическая неология (см. Алефиренко, 2008).

Важнейшим понятием фразеологической теории с самого начала и до настоящего времени является понятие «фразеологизм», которое современными учеными трактуется неоднозначно. В настоящем исследовании за основу принята его лингвокультурологическая трактовка, представленная в работах Н.Ф. Алефиренко, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, Л.Ю. Буяновой, Л.А. Лебедевой и других учёных; рассматриваются структура и функции ФЕ, их классификации, особенности процесса вербализации (работы Н.Ф. Алефиренко, В.В. Виноградова, Л.Г. Золотых, Б. А. Ларина, А. В. Кунина, Н.М. Шанского, А.И. Федорова и др.).

В.А. Маслова называет ФЕ «душой всякого национального языка, в которой удивительным образом выражены дух и своеобразие нации» (2001:82). В отечественном языкознании при определении фразеологизма существует традиция отталкивания от его общих и категориальных (дифференциальных, различительных, универсальных, имманентных) признаков. Основными критериями ФЕ называются устойчивость, воспроизводимость, целостность значения, раздельнооформленность, непереводаемость на другие языки, возможность структурных вариантов и новообразований. Некоторые исследователи выделяют другие критерии фразеологичности: метафоричность (Б.А. Ларин, А.М. Бабкин, А.Н. Попов, М.И. Сидоренко), эквивалентность (и синонимичность) слову (В.В. Виноградов), образность (А.И. Ефимов, А.Г. Руднев, Ю.Р. Гепнер), цельность номинации (О.С. Ахманова), экспрессивность (В.М. Мокиенко).

«Особенность формирования фразеологического значения состоит в том, что ФЕ оказываются под двойным смысловым воздействием. С одной стороны, они являются носителями определённым образом интерпретированных довербальных смыслов, на основе которых и сформировались значения ФЕ – системно закреплённые смыслы. А с другой, – использование в дискурсивной деятельности языковых единиц с актуализированными элементами системных значений формирует новый смысл, уже вербализуемый знаками вторичного номинирования» (Алефиренко, 2008: 27). Именно с этим, по нашим наблюдениям, связана трактовка ФЕ как средства концептуализации понятия «гендер».

В отечественной фразеологии разработано несколько видов классификаций ФЕ, в основе которых лежит тот или иной главный классификационный признак: семантический (В.В. Виноградов), структурный (Н.М. Шанский, А.И. Смирницкий), исторический (Б.А. Ларин), стилистический (Н.М. Шанский, В.Н. Телия, А.И. Федоров) и др. Появление того или иного классификационного признака обусловлено развитием общей теории фразеологии и во многом зависит от преобладающей в данный момент в науке о языке лингвистической парадигмы.

Проблема лексикографирования ФЕ также является достаточно

сложной. Н.Ф. Алефиренко разработал концепцию синергетического фразеографирования (Алефиренко 2002; Алефиренко, Золотых 2004), считая, что «сопряжение основных принципов синергетики позволяет лексикографировать фразему комплексно, с точки зрения иерархии её содержательных элементов на уровне глубинных, наномасштабных (мельчайших, нередко бытующих в скрытом виде) структур смысла» (Алефиренко, Золотых 2008:4).

При исследовании ФЕ как средства концептуализации понятия «гендер» следует иметь в виду, что фразеологизм как знак языка выступает формой отражения окружающей человека действительности и самого человека в ней, средством получения знаний об этой действительности и её оценивания, неотъемлемой частью Культуры. Исследование фразеологизма как средства концептуализации гендерного аспекта языка выступает одной из составных частей общей теории языковой концептуализации мира (см. Буянова, 1998, 2004, 2006, Воркачёв, 2002, Карасик, 2002, Кубрякова, 2004). Сама проблема языковой концептуализации мира до настоящего времени является до конца не решённой, так как в лингвистике не все понятия и термины теории языковой концептуализации действительности понимаются и определяются представителями различных научных школ одинаково. Это объясняется, в том числе, и сложностью феномена языка: «язык сохраняется веками, изменяясь лишь незначительно. ... Наиболее архетипичные представления о том или ином объекте действительности или понятии, безусловно, хранит в себе фразеологический и паремиологический фонд языка, в котором отражаются самые характерные, ядерные смыслы, стандартизованные представления о явлениях действительности, которые сохраняют устойчивость на протяжении сотен лет и служат самыми мощными источниками интерпретации национальных эталонов» (Исаева, 2008).

Язык отражает определенный способ восприятия и организации, т.е. «концептуализации» мира. Языковая концептуализация в лингвистике в широком смысле понимается как процесс когнитивной деятельности человека, в результате которого приобретает совокупность знаний о мире, репрезентированная в языковой форме, а также вербальные способы и механизмы интерпретации новых знаний, полученных посредством языковой и мыслительной деятельности. По мысли С.Г. Воркачева, языковая концептуализация – это совокупность приемов семантического представления плана содержания лексических единиц; ученый установил, что она различна в разных культурах (2002: 84).

Для исследования специфики средств и механизмов фразеологической концептуализации гендерных концептов «Мужчина» и «Женщина» на материале фразеологических единиц разных языков – русского и английского – актуальна следующая позиция: «Для когнитолога вопрос о том, что значит само существование определенного слова в ментальном лексиконе человека, – это вопрос первостепенной важности, и без ответа на него нет и не может быть ни адекватного понимания проблем

порождения и восприятия речи, ни адекватного определения многих понятий современной лингвистики. Именно объективация сознания с помощью языка оказывается условием человеческого существования и главной отличительной чертой homo sapiens» (Кубрякова, 2004:306).

Понятия «язык» и «фразеологизм» коррелируют с такими понятиями, как «картина мира», «языковая картина мира», «концепт», «фразеологическая картина мира». Картина мира представляет собой целостный образ мира. Основанная на ощущениях, восприятии, мышлении человека, картина мира определяет нормы его поведения, систему ценностей и мировоззрения и влияет на формирование и обобщение культурно значимых понятий. Лингвисты рассматривают картину мира как идеальное образование, состоящее из структурно организованных компонентов, обладающее определенными свойствами, выполняющее присущие ему функции, которое закономерно развивается (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, Ю.М. Лотман, Г.В. Колшанский и др.).

Уникальность любой языковой картины мира заключается в том, что она «создается в ходе номинативной деятельности...», в связи с чем «характер соотношения концептуальной и языковой систем лучше всего изучать, исследуя саму эту деятельность и... реальные средства и приемы номинации, и национальный и культурный колорит происходящего, и, наконец, причины, мотивы и интенции говорящих» (Кубрякова, 2004: 64). Картина мира, фиксируемая фразеологическими средствами языка и рассматриваемая как языковой феномен национально-культурного наследия, является **фразеологической картиной мира (ФКМ)**.

Под ФКМ понимается способ идеографического описания окружающей действительности - макро- и микрокосмов народа (Р.Х. Хайруллина), мира «Действительное» (Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия) – средствами фразеологии. ФКМ есть субъективный образ объективной действительности. В ней отражается содержание человеческого бытия, внешний и внутренний облик человека, пропущенные через коллективное языковое сознание. ФЕ служат средством освоения мира человеком, в них фиксируются, хранятся и воссоздаются его чувства, эмоции, ощущения, оценки, настроения (Буянова, Коваленко, 2004: 45).

ФКМ – это особый «виртуальный» мир в языке, обладающий характерными чертами как в плане выражения, так и в плане содержания. Фразеологическое пространство формируется фразеологическими языковыми средствами, содержащими единицы и свойства различных уровней: грамматического, лексического, стилистического. ФКМ является универсальной, свойственной всем языкам образной системой особых устойчивых вербальных единиц, передающих особенности колорита национального мировидения. В основе ФКМ лежит образное видение мира, формирующееся в процессе коллективного многовекового постижения и преобразования человеком окружающей его среды.

Современная концепция национальной специфики фразеологических систем разных языков основывается на признании того факта, что познание

человеком действительности имеет интернациональный характер, в котором нет каких-либо национальных ограничений. «При фиксации результатов познания в языке, при закреплении образовавшихся в сознании понятий в значениях слов и грамматических формах происходит некоторое «упрощение» процесса познания. Результатом такого «упрощения» выступают универсальные по своей природе минимальные единицы когнитивной системы – семы, а индивидуальность их комбинаций в каждом из языков и создаёт специфику их фразеологических систем и этнокультурный характер значений» (Алефиренко, 2008: 74).

В области фразеологии тема национально-культурной специфики является достаточно традиционной для исследований. На протяжении многих лет в работах по фразеологии утверждается, что ФЕ представляют собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный опыт и духовно-нравственный потенциал народа. По совершенно справедливому утверждению А.М. Бабкина, фразеология – это «святая святых национального языка, в которой неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации» (Бабкин, 1979: 7). Пословицы и поговорки также представляют собой обобщение многовекового жизненного опыта народа, содержат эмоционально-экспрессивную оценку поступков человека, событий, явлений. Поэтому они «не сочиняются, а появление их как бы вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометие...; их стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый» (Даль, 1957: 18-19).

Лингвокультурологический подход к описанию фразеологических единиц позволяет выявить: 1) культурную семантику (культурно-значимые смыслы, культурную коннотацию, культурные установки и т. п.) ФЕ разных типов (В.Н. Телия, М.Л. Ковшова, Д.Ч. Малишевская, Н.Н. Семененко); 2) национально-культурную специфику ФЕ (Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В.Г. Гак, О.А. Дмитриева); 3) особенности функционирования ФЕ в роли культурных знаков в дискурсах разноструктурных языков и в ареале разных типов культур (В.П. Белянин, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Э.М. Бергевская). Концептуальный подход к фразеологическим явлениям приводит к разработке и моделированию различных лингвокультурных концептов (Д.С. Лихачев, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Ю.С. Степанов, Г.В. Токарев, Л.Ю. Буянова, О.Г. Савельева, А.Ш. Трахова и мн. др.).

«Именно индивидуальность семных комбинаций создаёт этнокультурное своеобразие фразеологических значений, определяя тем самым специфику глубинных ярусов фразеосемантического пространства разных языков» (Алефиренко, 2008:151). Отмеченные выше теоретические позиции учитываются нами при исследовании особенностей фразеологической актуализации и репрезентации гендерного механизма языка на материале английской и русской лингвокультур.

Во второй главе – «Особенности фразеологической актуализации и репрезентации гендерного механизма языка: концептуальный аспект» – освещаются теоретические проблемы изучения концептов в теории языка, приводится аналитический обзор научной литературы по гендерологии, а также представлены лексико-семантические и функциональные модусы реализации фразеологизмов с гендерными лексическими компонентами; раскрываются особенности актуализации гендерного аспекта языка; описываются в общих чертах гендерные концепты «Мужчина» и «Женщина», являющиеся результатом фразеологической концептуализации гендерного механизма языка.

В настоящее время точного единого определения концепта в лексикографии не зафиксировано. В толковом «Словаре русского языка» (в 4-х томах) слово «*концепт*» отсутствует, а в статье со словом «*концепция*» даны следующие толкования: «Концепция – система связанных между собой и вытекающих один из другого взглядов на то или иное явление. // Основная мысль, идея произведения, сочинения и т.п.» (1982. Т.2:97). В «Философском словаре» концепт интерпретируется следующим образом: 1) формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие; 2) в логической семантике – смысл имени – отражает очень индивидуальное понимание концепта, которое больше нигде в словарях не встречается (Фролова, 1989: 279). Как видно из этих и иных определений, понятия «концепт» и «концепция» в определённом смысле могут быть взаимоопределяемыми и взаимозаменяемыми, так как имеют общий семантический признак – «мысль», «образ», «идея».

В концептологии и лингвоконцептологии также существует немало различных трактовок понятия «концепт». По мнению Ю. Е. Прохорова, в логико-философском понимании «концепт есть: 1. Некоторое представление некоторого знания (пред-знания) в его обобщённом виде. 2. Это обобщённое знание в ходе реальной человеческой деятельности как бы «отчуждается» от своего источника и начинает само функционировать как база для создания, развёртывания и обоснования новых знаний. 3. Концепт не имеет чётко фиксированной структуры и чётко фиксированного способа его представления. 4. Концепт стабилен и динамичен, имеет ядро и периферию. 5. Концепт – это и миф, и символ, и знак. Концепт – это и совокупность неконечного числа мифов, неконечного числа символов и неконечного числа знаков» (Прохоров, 2004: 55-56). «В современных исследованиях культурные концепты определяются обычно как многомерные смысловые образования в коллективном сознании, “опредмеченные” в языковой форме» (Кондрашова, 1998:18).

Во всех теориях, посвященных изучению концепта, выделяется мысль о том, что концепт обязательно связан с вербальными средствами выражения. По мнению А. Вежицкой, в вербальной форме концепты являются «ключевыми словами» данного языка и данной культуры. По ее мнению, критерием выбора ключевых слов могут служить: частотность, центральность, центр семейства фразеологических выражений, пословицы,

поговорки, названия популярных книг. Вокруг этих слов организованы целые области культуры, которые можно уловить с помощью возникающих аналогий, «ассоциативного тезауруса» (Вежибцкая, 1999:284).

Исходя из аналогичного понимания специфики концепта, возможно интерпретировать фразеологические единицы всех типов как близкие суперконцептам, так как в них вложена такая обширная информация, которая может быть развернута с семантической точки зрения. В вербализованном виде концепт выступает как мысленный динамический культурный конструкт человеческого сознания, дифференцирующийся на базисные и периферийные элементы. Каждый концепт является также масштабным лингвокультурным понятием, отражающим результат интеграции и обобщения представлений об окружающем мире.

Н.Ф. Алефиренко по-своему подходит к определению концепта, иногда споря с устоявшимся в лингвоконцептологии мнением. Так, учёный считает, что вызывает сомнение целесообразность введения термина «лингвокультурный концепт», «поскольку он, думается, лишен своего особого понятийного содержания», ведь «в любом случае концепт – вербализованная когнитивная структура, что уже делает его категорией когнитивной лингвистики» (2006: 10). Учёный не соглашается и с толкованием лингвокультурных концептов как этнокультурных компонентов слова (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик): «здесь, как нам представляется, не различаются единицы когнитивной и языковой семантики» (там же).

При исследовании фразеологизма как средства концептуализации гендерного аспекта языка необходимо уточнить трактовку термина «концепт», чтобы его определение соответствовало проблематике данной работы. Осмыслив существующие точки зрения, мы предлагаем такое рабочее определение концепта: **концепт** – это некое понятийно-смысловое образование (конструкт) нашего сознания, функционирующее как оперативная единица в мыслительных процессах и фиксирующее результаты познавательной деятельности как кванты знаний; реализуемое вербальными средствами, которые выступают маркерами ментальности и характеризуются национальными и этнокультурными особенностями.

Рассматривая проблему актуализации гендерного механизма языка, мы должны определиться с пониманием термина «гендер», изучить соотношение и взаимосвязь языка и гендерного фактора в языке. Гендер (от лат. genus – род) – социальный пол, социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности женщин и мужчин, которые зависят от социальной организации общества, а не от биологических половых развитий. Впервые фактор пола в связи с языком появился в античности для осмысления категории грамматического рода. Символично-семантическая категория рода, которая базировалась на соотношении природной и биологической категории *sexus* с грамматической категорией *genus*, стала самой древней и долгое время оставалась единственной гипотезой о причинах появления и функционирования её в языке. Символично-семантическую гипотезу представляли ученые, оказавшие огромное влияние на лингвистику (Гердер,

Гримм, В. Гумбольдт и др.), что предопределило ее длительное господство в лингвистическом описании.

Следующим толчком исследования гендерного фактора в языке стало открытие в XVII в. «экзотических» первобытных языков, где имело место разделение на мужской и женский варианты или даже обособленные мужские и женские языки. С 1964 года появились сообщения о таких языках, но систематических исследований по ним не проводилось. Общим для всех немногочисленных описаний гендерной вариативности было то, что мужской вариант рассматривался как собственно язык, а женский – как отклонение от него. Только в начале 20-го века тема «Язык и пол» привлекла внимание Ф. Маутнера и О. Есперсена. К этому времени накопилась значительная информация о различиях в языке в связи с полом его носителей, это и навело лингвистов и философов на мысль о возможности существования гендерных различий в языках Европы.

В 1913г. вышел в свет труд Маутнера, в котором он признает гендерные различия в языке, объясняя их социальными и историческими причинами. В 1922г. О. Есперсен посвятил целую главу своего труда особенностям женской языковой компетенции. Анализ эволюции научных знаний показывает, что категория «гендер» появилась в терминологическом аппарате науки в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века и была использована сначала в социологии, психологии, истории и историографии, а затем уже воспринята в лингвистике, став удобной и необходимой для прагматики и антропоориентированного описания в целом.

Термин «гендер» используется для описания социальных, культурных, психологических аспектов «женского» в сравнении с «мужским», то есть «при выделении всего, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как мужчин и женщин» (Пушкарева, 1999: 16).

Авторы «Большого толкового социологического словаря» подчёркивают, что «гендер определяется не биологически, а социально и посредством культуры, являясь культурно и исторически относительным. Его значение, интерпретация и выражение изменяются и внутри, и между культурами, служа объектом исторических перемен. Социальные факторы – класс, возраст, раса и этнос – тоже образуют особое значение, выражение и опыт гендера, выделяя тот факт, что его нельзя уравнивать каким-либо упрощённым способом с полом или сексуальностью» (1999).

«Гендер – это одно из базовых измерений социальной структуры общества, которое вместе с другими социально-демографическими и культурными характеристиками (раса, класс, возраст) организует социальную систему» (Буянова, Бочарова, 2005: 46). Исследование гендера в лингвистике базируется на нескольких методологических принципах. Так, А.В. Кирилина приводит следующие лингвистические принципы анализа гендера, на которые мы опираемся в данной работе:

1. Гендер манифестируется в языке и является параметром переменной интенсивности в коммуникативном общении.

2. Культурно-символический характер гендера обуславливает возникновение гендерной метафоры, функционирующей так же, как и другие виды метафор.

3. Исследованию гендерного аспекта соответствующих языковых сущностей предшествует их анализ как единиц языка.

Для изучения гендерных аспектов языка и коммуникации применяются лингвистические методы. Поскольку лингвистика включает разнообразные отрасли (психолингвистику, социолингвистику, лингвокультурологию и т.д.), используются методы этих направлений (Кирилина, 2004: 3).

Исследование языка в рамках гендерной парадигмы позволяет описать не только антропоцентричную систему языка, но и изучить возможности и границы ее подсистем, связанных с *мужественностью и женственностью* как двумя ипостасями человеческого бытия. Как справедливо замечает В.А. Маслова, «большая часть информации о мире приходит к человеку по лингвистическому каналу, поэтому человек живет более в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей, чем в мире предметов и вещей» (Маслова, 2001: 35). С помощью гендера человечество, как индивидуальное и коллективное сознание, воспринимает и оценивает мир, все многообразие человеческих отношений, которое сводится к развитию отношений между мужчиной и женщиной. Гендер, как интрига познания, определяет все стороны человеческой жизни, она обращена к человеку, к его социально и культурно обусловленной природе (Халеева, 1999: 4).

Экзистенциальные характеристики личности, в том числе и гендерные, интерпретируются в зависимости от того, какие представления о *маскулинности и феминности* доминируют в данном обществе. В современной гендерологии широко представлены описания различий мужских и женских вариантов речевого поведения, стереотипов, использования лексических, фразеологических единиц и т.д. Средства языка, в том числе и фразеологизмы, используются как «инструмент, позволяющий индивидууму строить во внешнем мире знаковые модели, более или менее адекватно объективирующие фрагменты его концептуальной системы» (Каменская, 1990: 34). Смысл понятия «гендер» заключен в идее социального моделировании пола. Поскольку социальный пол конструируется социальной практикой, в обществе возникает система норм поведения, приписывающая выполнение определенных гендерных ролей. Соответственно, возникает жесткий ряд представлений о том, что есть «мужское» и «женское» в данном обществе.

Согласно Б. Коннеллу, исследуя лингвистический материал на предмет обнаружения культурной специфики доминирующей маскулинности (или феминности), наука в качестве результата может получить скорее реконструкцию гендера на основании данных языка. Это замечание относится также к кросскультурным исследованиям (Connell, 1993: 601).

В каждой культуре имеется набор вербальных и невербальных средств, характеризующих как мужчину, так и женщину, и в каждом

отдельно взятом обществе они носят специфический, культурно-традиционный характер. Данные средства коммуникации находят отражение в социальном и психологическом поведении мужчин и женщин.

Попытка осмысления специфики моделей поведения в соответствии с гендерной идентичностью приобретает особую значимость в процессе сопоставления фразеологических единиц различных языков, которые имплицитно содержат оценку маскулинности и феминности на основе национально-культурных представлений и традиций. Фразеологизмы с гендерными лексическими компонентами своей совокупностью формируют гендерные концепты «Мужчина» и «Женщина», выступающие результатом фразеологической концептуализации гендерного фактора языка. Под **гендерным концептом** мы понимаем такое понятийно-смысловое образование в сознании членов социума, в котором отражено и зафиксировано с помощью гетерогенных вербальных средств этноспецифическое представление и знание о *мужчине* и *женщине* как об индивидах, характеризующихся чёткими различиями их социально-культурного статуса, норм поведения и ролей, выполняемых в обществе.

Анализируя национальную специфику фразеологических единиц с гендерными лексическими компонентами в английском и русском языках, мы обнаружили, что лишь небольшая часть таких ФЕ содержит реалии, не свойственные другим народам либо свойственные близкородственным языкам. В данную группу мы отнесли следующие русские и английские ФЕ:

1) фразеологизмы, содержащие **имена собственные**, служащие для называния мужчины или женщины, обладающих гендерно-специфическими особенностями характера, например: *Лиса Патрикеевна* – «характеристика не просто хитрой женщины, а лукавой бестии»; *Иванушка-дурачок*, где *Иванушка* – молодой мужчина, олицетворяющий глупого, легкомысленного, беспешачного человека» (Шанский, Зимин, 1993: 114); *Баба-яга* – «оценка злой, сварливой, некрасивой женщины, которая всегда готова поругаться и насолить другому» (Зимин, Спирин, 1996: 264); *Laugh like little Audry* (смеяться, как малышка Одри, смеяться от души), *Aunt Edna* (тетушка Эдна, театралка с консервативными взглядами), *Big Bertha* (Большая Берта, толстая женщина, толстуха), *honest Abe* («честный Эйб» – прозвище президента Авраама Линкольна) (Кунин, 1998: 25, 70, 79, 156);

2) фразеологизмы, стержневой компонент которых содержит **уникальный** для чужой культуры **образ**, например: *мартовский кот*, *кукушкины дети*, *вольный казак*, *невестке в отместку, ваш покорный слуга, в девках, раб божий* (Зимин, Спирин 1996: 232); *Aunt Tabby* («тетушка Тэбби» – прозвище консервативно настроенной женщины, противницы женского равноправия), *Colonel Blimp* («полковник Блимп» – олицетворение косности, твердолобости, консерватизма), *a Peter Pan* (человек, сохранивший детскую непосредственность и живость воображения), *the Virgin Queen* («королева-девушка» – прозвище английской королевы Елизаветы I) (Кунин, 1998: 78, 99, 345);

3) фразеологизмы, в которых отражены особенности **образа жизни**

мужчины и женщины в разные жизненные периоды (детство, юность, молодость, зрелость, старость; семейная жизнь – периоды брака, развода; материнство, отцовство): *в самом соку, забривать лоб, интересное положение, разрешаться от бремени, коса – девичья краса, сын глядит в дом, а дочь глядит вон, на возрасте, старой бабе и на печи ухабы, Бабье лето* (Зимин, Спирин, 1996: 262); *a bright young thing* (беспутный юнец), *sweet seventeen* (счастливая девичья пора), *an old cat* (старая кошка, сварливая старуха), *There's many a good tune played on an old fiddle* («На старой скрипке можно сыграть не одну хорошую мелодию» - о любвеобильной, но уже немолодой женщине) (Кунин, 1998: 9, 406, 465, 789);

4) фразеологизмы, образы которых опираются на реалии, известные только одному народу (так называемые **топонимы, антропонимы, гидротимы**): *рязанская баба* (в городской среде слово *баба* чаще воспринималось как ругательство. *Рязанской бабой* называют сварливую женщину, капризную, крикливую), *Фома неверующий* (Молотков, 1987: 77); *Father Thames* (старушка Темза), *Every Jack has his Jill* (Всякому Джеку суждена его Джил) и др. (Кунин, 1998: 78, 99);

Вполне естественно, что фразеологический образ, составляющими которого являются особые для определенной нации реалии, воспринимается как национально-специфический, «лингвистические маркеры его национальной ограниченности» (Солодуб, 1996: 45) выявляются без затруднений. Однако чаще национальная специфика такого образа может быть обнаружена только при более глубинном анализе, посредством обращения к этимологии и сопоставительно-типологическим исследованиям.

Даже самые обычные явления действительности, в том числе и гендерные образы *женственности и мужественности*, вызывают у представителей разных этносов и культур нетождественные ассоциации. Всё это и позволяет говорить о наличии *субъективного* фактора, предопределяющего национальную специфику семантики и семиотики фразеологических единиц, в том числе с гендерной окраской.

По этой позиции вычленяется группа ФЕ, включающая: 1) фразеологизмы, отражающие такие гендерно обусловленные особенности внешности и характера мужчин и женщин, которые не отмечены в языковой системе других народов, как, например, в русском языке: *молодец / мастер на все руки; узколобая красавица, старая карга, талия в рюмочку, старый хрыч, травленный волк, мальчик на побегушках, как сивый мерин* (Федоров, 1995: 345, 444); или в английском языке: *May Queen* («королева мая» - девушка, избранная за красоту «королевой» в первомайских народных играх, коронуется венком из цветов), *King Log* («король Чурбан» - о мужчине пассивном, не умеющем использовать представившиеся ему возможности) и др. (Cowie, 1984: 26, 109);

2) фразеологизмы, построенные по фразеологической модели, свойственной многим языкам, но имеющие в основании различные образы мужчины и женщины: *синий чулок* - характеристика женщины без обаяния, целиком ушедшей в науку (неодобрительное выражение - калька с англ. *blue*

stocking), этот ФЕ отражает издавна существующую в английском социуме ментальную установку, согласно которой **наукой** могут и должны заниматься только **мужчины**, а женщина-учёный теряет все свои **женственные** признаки и качества;

3) фразеологизмы, в которых актуализируемые женские и мужские образы, символизирующие определённые качества и признаки, различаются оценками, данными им в другом (-их) языке: *соломенная жена* (так называли девушку, которая встречалась с «мужем» на соломе. Потом соблазнитель бросал ее, а сам брал в жены непорочную девушку, брошенную же девушку называли *соломенной вдовой* (калька с нем. *Strohwitwe*). В Германии в средние века девушку, родившую дитя вне брака, выставляли к позорному столбу с соломенным венком на голове, называя её *Strohbrout* (*соломенная невеста*); обольщенную женщину называли также *Graswitwe* (букв. «травяная вдова»). Сейчас наблюдается ассоциативное расширение значения этого выражения, и *соломенной вдовой* в русском языке называют любую женщину, которая находится во временной разлуке с мужем (см. Зимин, Спирин, 1996: 267).

Каждая культура, исходя из исторического опыта страны, посредством определённых фразеологических единиц отражает градационную шкалу наиболее ценных или осуждаемых качеств человека. Сопоставление фразеологических единиц, формирующих гендерные концепты, характеризующие с «гендерной» точки зрения человека, позволяет увидеть как общее, так и специфическое в гендерных оценках мужчины и женщины в русском и английском языках.

По нашим наблюдениям, русская фразеология зафиксировала патриархальную ментальную установку, отрицательно оценивающую женщину по её **психологическим и умственным качествам** («гендерный» критерий **интеллектуального превосходства**): в язык прочно вошли стереотипы, судя по которым женщине присущи очень многие пороки, поэтому сравнение с ней мужчины всегда несет отрицательную окраску: *истеричен как женщина, женская логика, не будь бабой, тебе не штаны носить, а юбку*; сравнение же женщины с мужчиной подчёркивает её достоинства и может служить комплиментом – *мужской ум, мужская хватка, мужской характер*. Женщине приписывается неумение хранить тайны и дружить, алогичность, глупость: *бабе дорога от печи до порога; бабы умы разоряют дома; у бабы волос длинный, а ум короткий; между женским «да» и «нет» иголки не просунешь*. В различных пословицах и поговорках о женщинах обнаруживается гендерно детерминированное пренебрежение, неуважение к женщине вообще, унизительно-покровительственный оттенок интерпретации: *мое дело сторона, а муж мой прав; мужнин грех за порогом остается, а жена всё домой несет; женщина льстит – лихое норовит; бабий обычай – не мытьем, так катаньем; на вдове жениться – грязное белье надеть после бани*.

Подобная дифференциация, основанная на гендерно обусловленных принципах, свойствах, качествах, оценках мужчины и женщины, позволяет

квалифицировать соответствующие многомерные ментально-вербальные образования, актуализирующие мужчину и женщину средствами фразеологии и паремиологии с позиции гендерного подхода, как **гендерные концепты/суперконцепты**. Так, в русском гендерном концепте «Женщина» даже роль жены и матери характеризуется негативными коннотациями, в нём чётко отражается издавна закрепившееся в русской ментальности и посредством языка репрезентированное в лингвокультуре социальное неравенство и неравноправие **мужа и жены** (критерий **главенства в семье**): *вино пей, жену бей, ничего не бойся; показать кузькину мать; женишься раз, а плачешь весь век; чужая жена – лебедушка, своя – полынь горькая; в людях – ангел, не жена, дома с мужем – сатана*. В зеркале русской фразеологии отражается такой стереотип, что все хорошее в женщине – от мужчины, поэтому положительно оцениваются в женщине *мужской ум* (об умной женщине), *мужская хватка* (об удачливой женщине), *мужской характер* (о женщине с твердым характером) и т.д.

Английские фразеологизмы, как и русские, выступают как многоаспектные семиотико-образные конструкты (образования), характеризующиеся смысловой ёмкостью и логико-концептуальной сложностью. С одной стороны, – это явления языка, с другой, – логические единицы (суждения и умозаключения), с третьей – художественные миниатюры, в яркой форме отражающие факты живой действительности. Таким образом, анализируя лексикографический материал, регистрирующий авторитетными английскими словарями (см., например, «Словарь английского языка и культуры» Лонгман, 1995), мы получаем более полное и чёткое представление о гендерно обусловленных стереотипах поведения, ценностях и убеждениях, которые разделяют носители английского языка.

Нравственные, этические и эстетические эталоны, а также социально-ролевые стереотипы, отражающиеся в языке, очень подвижны, динамичны и порой весьма противоречивы. Рассмотрим, например, ФЕ английского языка с «*мужскими*» гендерными лексическими компонентами. Дифференциальные признаки этих фразеологизмов подробно и тонко переданы в специализированных фразеологических словарях, поэтому особый интерес имеет **оценочная** маркированность и специфика подобных ФЕ. С одной стороны, **английский мужчина** характеризуется как решительный, опытный, талантливый, галантный человек: *the man of the hour* (герой дня); *a man of parts* (способный, талантливый человек); *a man of the world* (человек, умудрённый опытом, утративший иллюзии; бывалый человек); *a marked man* (видный, известный человек); *a man of iron* (человек железной воли); *a broth of a boy* (славный парень, молодец, молодчина); *the blue eyed boy* (любимец, любимчик); *the man of destiny* (избранник судьбы); *a man of his hands* (храбрый, мужественный мужчина); *play the man* (вести себя, поступать как подобает мужчине); *a man's man* (настоящий мужчина); *one of Nature's gentleman* (истинный джентльмен, человек безупречного поведения). С другой стороны, некоторые ФЕ содержат тот или иной отрицательный

оценочный компонент: *a man about town* (богатый повеса, прожигатель жизни); *a bad man* (злодей, головорез, закоренелый преступник); *a confidence man* (аферист, мошенник); *a broken man* (человек, объявленный вне закона; грабитель, разбойник); *a gentleman of fortune* (пират, разбойник) и др. В значениях этих ФЕ прослеживается мотивация оценок, отражается и сложная система гендерно обусловленных ценностей и ценностных предпочтений английского общества.

При изучении фразеологического материала русского и английского языков бросается в глаза двойственное, иногда прямо противоположное отношение к женщине, закреплённое вербально. С одной стороны – наличие большого количества языковых единиц с положительной коннотацией и множеством оттенков положительной оценки. Оба языка отражают традицию уважения, прославления женщины и её красоты: женщина – воплощенная женственность, совершенство, святая, ангел, благородная, мягкая, заботливая, чуткая, безупречная, образованная, гордая. С другой стороны, женщина – «исчадие ада», олицетворение всего плохого, темного, злого: *хитрая, льстивая, скандальная, извращенная, завистливая, грубая, нервная, лицемерная, бесчестная, злая, самолюбивая, ленивая*.

Русской фразеология, как и английская, характеризуется гендерной маркированностью в плане содержания, образного основания и прагматики. Отмечена способность гетерогенных ФЕ и паремий репрезентировать преимущественно **отрицательный образ женщины**. Пословиц и поговорок с положительной окраской также гораздо меньше, чем с отрицательной: положительная оценка – «*Девкою полна улица, женою полна печь*», «*Добрая жена дом стережет*»; отрицательная – «*Счастливы игрой, да несчастлив женой*», «*Не всякая жена мужу правду рассказывает*», «*Муж не знает, где жена гуляет*», «*Жена мужа любила, в тюрьме место купила*», «*Жена не сапог, с ноги не скинешь*», «*Силен хмель, сильнее хмеля сон, сильнее сна злая жена*», «*Злая жена сведет мужа с ума*», «*От пожара, от потопа, от злой жены О Боже, охрани!*», «*Дважды жена мила бывает: как в избу введут, да как вон понесут!*», «*Собака умнее бабы, на хозяина не лает*» (Молотков, 1978: 99). Этими устойчивыми единицами языка концептуализированы такие в основном отрицательные качества и свойства русской женщины, подмеченные народом, как *лживость, скрытность, неверность, подлость, злобность, зловердность, глупость* и др. В отличие от женщин, мужчины, судя по данным русской фразеологии, обычно не обладают такими качествами характера, то есть дифференциация гендерных концептов «Мужчина» и «Женщина» в русском языке проходит по оппозиционным критериям «хороший – плохая»; «злая – добродушный, нормальный»; «глупая – умный» и т.д.

В английском языке есть пословицы, которые репрезентируют особое распределение гендерных ролей **в браке и в семье**, когда счастье мужчины напрямую зависит от материального положения его будущей жены и брак рассматривается с точки зрения выгоды: «*A man's best fortune or his worst is a wife*» (Самое большое счастье и несчастье мужчины – это его жена)

(перевод наш. – К.В.); «*A fair wife without fortune is a fine house without furniture*» (Отличная жена без состояния, как хороший дом без мебели) (перевод наш. – К.В.). В то же время отрицательное отношение к браку и предпочтение холостяцкому образу жизни связано в английской лингвокультуре с отрицательными чертами характера жены, что можно увидеть в следующих пословицах и поговорках: «*No lack to lack a wife*» (Хочешь иметь проблемы – женись) (перевод наш. – К.В.), «*If you would be happy for a week take a wife*»; «*If you would be happy for a month kill a pig; If you would be happy all your life plant a garden*» (Хочешь быть счастливым неделю – женись; месяц – зарежь поросенка; хочешь быть счастливым всю жизнь – посади сад) (перевод наш. – К.В.). В некоторых пословицах отражается потребительское отношение к женщине, когда даже из смерти жены мужчина может извлечь выгоду («гендерный» критерий материальной выгоды, материального благополучия): «*A dead wife's the best good in a man's house*» (Смерть жены – самое большое счастье в доме мужчины) (перевод наш. – К.В.), «*The death of wives and the life of sheep make men rich*» (Смерть жены и жизнь овцы делает мужчину счастливым) (перевод наш. – К.В.), «*Every man has two good days with his wife – the day he marries her, and the day he berries her*» (У каждого мужчины есть два счастливых дня с женой – день свадьбы и день похорон жены) (перевод наш. – К.В.) (Ср.: *Дважды жена мила бывает: как в избу введут, да как вон понесут!*). В английском концепте «Женщина» концептуализируется устойчивая тенденция определять социальный статус женщин с точки зрения их деления на *замужних и не успевших выйти замуж*. Молодая, красивая и незамужняя девушка, имеющая поклонников, желающих взять её в жёны, номинируется ФЕ *young lady*. Одинокая же девушка, которая живет самостоятельно, не зависящая от родителей и не имеющая друга (мужчину), характеризуется в пространстве концепта «Женщина» как *bachelor's girl* (холостячка, одинокая девушка; скрытое сравнение с мужчиной). К ней относятся уважительно из-за того, что она способна обходиться без посторонней помощи, так как это является релевантным качеством для женщины в современном мире, характеризуя её как сильного и самостоятельного человека (**сила и самостоятельность** оцениваются всегда положительно в мужчине).

Особый семантический оттенок придают всему ФЕ лексические компоненты гендерного типа (например, англ. – *lady, queen*; рус. – *королева, дама, царевна, принцесса, баба, хозяйка* (социальный фактор). Установлено, что английские лексические компоненты с гендерной окраской чаще являются нейтрально-литературными. В русской фразеологической системе среди лексических компонентов с гендерным значением актуальны просторечное слово «баба» и разговорное «хозяйка». Согласно словарю В.И. Даля, «баба» (мн. бабье) – 1) замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была молодою, молодичею, или вдова; 2) «жена» - крестьянин редко иначе назовёт свою жену в глаза, разве хозяйкою; 3) бранно зовут мужчину (1975: 32). В устойчивом сочетании «Баба-Яга» - сказочное страшилище, ведьма, подручница сатаны. В некоторых русских

ФЕ, а также в пословицах и поговорках с компонентом «баба» происходит обобщение, генерализация его семантики, и такой ФЕ служит для обозначения любого человека, так как компонент «баба» утрачивает значение женского рода и может относиться к характеристике как женщин, так и мужчин: «*базарная баба*» – о скандальном человеке (гендерная характеристика отрицательных качеств, черт характера); «*Баба с возу – кобыле легче*». Если оценочные признаки, стереотипно закреплённые за референтом-женщиной, переносятся на референта-мужчину, то чаще всего наблюдается присоединение негативных эмоциональных оценок. Например, «*to fight like a girl*» – «драться как баба», не уметь постоять за себя (проецируется на лицо мужского пола), т.е. ФЕ с компонентом значения «женский», обращённые к мужчине, являются оскорблением («гендерный» признак «**неумение драться**» ассоциируется с женщиной).

Просторечное слово в составе ФЕ придаёт ему просторечный характер, поэтому ФЕ с компонентом «баба» отличаются по стилистической принадлежности от английских ФЕ с компонентами *lady*, *queen*. Это одно из существенных отличий сопоставляемых ФЕ, что отражает принятое в каждом из социумов особое отношение к женщине: в английской лингвокультуре – в основном положительное, в русской – чаще всего неуважительное, пренебрежительное, что обусловлено историей развития самих этих стран и их культур. И в английских, и в русских фразеологизмах понятие **красоты** также гендерно обусловлено: оно связывается в основном с женщиной, в ФЕ русского и английского языков раскрывается в основном красота женщин, а не мужчин, причём, по нашим данным, в английской фразеологии таких единиц больше: *beauty queen* (королева красоты), *(as) fine as a Mary queen* («королева мая»), *queen of hearts all society* (покорительница сердец), *queen of glory* (царица небесная), *the queen of love* (богиня любви) рус. – *королева красоты, королева сердец*.

Спецификой репрезентации гендерной концептуализации женщины в английском языке можно считать тот факт, что только в нём отмечаются ФЕ с компонентом *lady*, обозначающие женщину 1) по признаку роли/статуса в семье: *the old lady*, *one's good lady* – **жена, супруга**; 2) по признаку сравнения женщины с матерью-землёй (на празднике урожая): *lady of the harvest* – **жена урожая**, 3) по признаку социального статуса в обществе: *the first lady (of the land)* – **жена президента**. ФЕ выступают средством актуализации понятия «гендер» и в том случае, когда вербализуют образ женщины (а не мужчины) в любви и дружбе: *main queen (steady girl-friend)* – **дама сердца**. Иногда посредством ФЕ объективируется значение непристойного, легкомысленного поведения женщины (не свойственного мужчине): *lady of leading virtue* – женщина сомнительной нравственности; *perfect lady* – **дама с камелиями**.

Итак, исследование гендерно-фразеологического концепта «Женщина», который зафиксирован в культурно-вербальной памяти этноносителя языка, позволяет нам сделать следующие выводы: во-первых, на формирование национальных стереотипов влияет восприятие женщины и ее оценка социумом, что находит своё отражение в лексических единицах, ФЕ и

пословицах и поговорках; во-вторых, в идеальном и негативном образе, наделённом многими отрицательными чертами, можно проследить двойственное восприятие образа женщины.

Концепты «Мужчина» и «Женщина» занимают важное место в концептуальной и фразеологической картинах мира, поскольку связаны с гендерным аспектом языка, позволяющим глубже проникнуть в «мужскую» и «женскую» субкартину мира и, таким образом, более адекватно представить реально существующие языковые модели ориентирующего социального поведения мужчин и женщин.

Результаты исследования фразеологизма как средства концептуализации гендерного механизма языка свидетельствуют о наличии ядерных характеристик, формирующих общие свойства и дифференциальные черты образов мужчины и женщины во фразеологической системе русского и английского языков, а также о том, что в разных лингвокультурах не существует идентичных образов маскулинности и феминности.

В **Заключении** подводятся итоги исследования фразеологизма как важнейшего средства концептуализации гендерного механизма языка; намечаются дальнейшие направления и перспективы изучения гендерных концептов «Мужчина» и «Женщина» во фразеологической картине мира (на материале английского и русского языков); систематизируются и обобщаются основные теоретические выводы исследования.

По теме исследования **опубликовано 7 работ:**

1. *Волошина К. С. Гендерные различия в английской фразеологии: опыт системного анализа // Вестник Ставропольского государственного университета. Ставрополь, 2007. №53. С.118-120.

2. Волошина К.С. Русский фразеологизм как этнокультурная константа: функционально-категориальная специфика // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование: Материалы Международной научной конференции. Белгород, 2005. С.46-49 (в соавторстве).

3. Волошина К.С. Концепт «Женщина» в английской фразеологической картине мира // Актуальные проблемы языкознания и литературоведения: Материалы IV Межвузовской конференции молодых ученых. Краснодар, 2005. С.82-85.

4. Волошина К. С. Язык и гендерность: аспекты соотношения //Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: Материалы V Межвузовской конференции молодых учёных. Краснодар, 2006. С. 78-82.

5. Волошина К.С. Концепт «Мужчина» как отражение гендерного механизма языка // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: Материалы VII Межвузовской конференции молодых ученых. Краснодар, 2008. С. 51-54.

6. Волошина К. С. Фразеологизм как средство концептуализации гендерного аспекта языка // Актуальные проблемы современного

языкознания и литературоведения: Материалы VIII Межвузовской конференции молодых ученых. Краснодар, 2009. С. 81-86.

7. Волошина К. С. Национально-культурная специфика русских фразеологизмов с компонентом «мужчина» и «женщина» // Theoretical and Practical Approaches to Strengthening English Language Skills: Междунар. сб. науч. трудов. Краснодар, 2009. С.29-33.

ВОЛОШИНА КАРИНА СЕРГЕЕВНА

**ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ПОНЯТИЯ «ГЕНДЕР»**

(на материале английского и русского языков)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Бумага тип. № 2. Печать трафаретная.

Тираж 100 экз. Заказ № 741

Кубанский государственный университет.

350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149,

Центр "Универсервис", тел. 21-99-551.

